

По этапу – с чистой совестью (послесловие к приговору)

*«Чем проще преступление,
тем труднее докопаться до истины»
(Артур Конан Дойл)*

23 сентября 2016 года судья Балашихинского городского суда И.А.Фадеев вынес мне приговор по ст 111ч2п3 УК РФ («умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека»).

Мне назначены 3,5 года лишения свободы в колонии общего режима, а также выплата 600000 рублей компенсации пострадавшему.

1. 23 сентября 2015 г.

В 1975 году я поступил на м\о журфака МГУ. Это был первый набор, из 33-х человек. С тех пор мне посчастливилось общаться исключительно с людьми высочайших профессиональных и человеческих качеств. На протяжении десятилетий они и составляют круг моего общения.

Появление в моем доме такого человека, как Забродин В.В. – печальная случайность. Трижды(!) его, непрошенного гостя, приводила соседка – С.Ю.Коноплева. Изначально было известно, что Забродин – ее очередной любовник. Ей сразу же было указано, чтобы его больше никогда не было на моем участке, однако моя просьба действия не возымела.

Мне хватило нескольких минут, чтобы убедиться в агрессивной заурядности Забродина, его чрезмерном самомнении и неадекватности. Что это человек недобрый и комплексующий, с интеллектом 5-летнего ребенка.

Но, как человек благодушный и бесконфликтный, я надеялся, что Коноплева уведет его восвояси. Так оно и случилось все три раза, в т.ч. и в ночь на 23 сентября 2015 года.

Будь у меня «умысел», как говорится в приговоре, я б его максимум грубо попросил уйти. Может быть, и дал по физиономии. Но такой человек не может вызывать ненависти, злобы и, соответственно, «умысла на причинение вреда здоровью». Только брезгливое желание отойти в сторону.

Важен и психологический фон момента.

В тот вечер я поминал в одиночестве своих ушедших друзей.

Начиная с 2006 г, когда была убита моя единственная, младшая сестра, я потерял более двадцати человек, среди которых были самые близкие мне люди: дорогие мои одноклассники И.Рыбцов и А.Тинчуринов, дипломат Дмитрий Пишванов, писатели Сергей Марков и Борис Диденко. Без них мне по сей день очень плохо.

Против обыкновения, я сидел спиной к освещенной террасе, где находилась жена, Ирина Коновалова. Она только что помыла голову, и потому не была рядом, хотя держала меня в поле зрения, зная, как глубоко я переживаю.

А я слушал музыку – любимую музыку моих умерших друзей, и как бы общался с ними. И пил слабое вино «Кадарка» из 1-литровых коробок.

Когда из мрака со стороны участка Коноплевой появилась на с Забродиным, я спросил ее только, как его зовут. Даже не помнил. То есть по степени знакомства на тот момент он был для меня практически прохожим.

Коноплева под села к столу в беседке напротив меня. Забродин и близко не подходил. Мы с ней выпили по две стопки принесенного ею виски (бутылка 0,7л). Дело в том, что в этот день я благодаря ей привез несколько книжных полок и был Коноплевой, естественно, за это благодарен.

Звучала музыка Эннио Мариконе из фильма «Однажды на Диком Западе», спокойная и заставляющая думать. Там есть потрясающая тема столкновения добра и зла. Мы об этом и говорили. Я еще добавил, что мне страшно за моего маленького сына – она такой доверчивый, а мир такой недобрый. А папа –старый...

В этот момент вдруг ни с того ни с сего подал голос Забродин: «А мне не нравится Жириновский. Он женщин бьет.»

Мы с Коноплевой переглянулись в недоумении. Я отозвался: «Виктор! Не суди о том, чего не знаешь. Ведь показывают лишь концовки конфликтов, а начала провокаций – нет». Это весь наш диалог, который позднее будет описан Забродиним как конфликт. Я практически не обратил внимания на эту вялую перебранку, продолжая разговаривать с Коноплевой.

То, что Забродин сидел с нами, а я заставлял его «пить за ЛДПР», что я называл себя «лидером ЛДПР»(?), что «не играю для еврея», - плод его, Забродина, нездоровой фантазии. Вообще мне кажется, что он не принадлежит себе; ведет себя, как сомнамбула, не отвечает за свои слова. Видимо, этому ест какое-то определение в психиатрии, не знаю. Но страшно, что и следствие, и суд только к его словам и прислушивались!

Подозреваю, что именно в силу наличия такого «мерцательного сознания» Забродину и дали адвоката. Чтобы не сбивался.

В какой-то момент Коноплевой стало холодно. И я по-свойски, «шутейно» подышал на ее пятки. Этот «гусарский» жест, как оказалось, произвел на недалекого нарцисса громадное впечатление. О «пятках Коноплевой» он много и возмущенно говорил на следствии. (Потом, при адвокате, затих на эту тему).

Наконец они собрались и ушли. Проводив взглядом их спины, которые скрылись во мраке за углом моего дома, я вздохнул с облегчением и продолжал слушать музыку на уровне 29 ед(то есть громкую), и допивать третью литровую коробку вина. Видимо, в смешении с непривычным для меня виски «Кудряночка» и дала результат: я совсем обмяк, развалившись в кресле. Но это случилось уже после того, как на наш участок через несколько минут после ухода «сладкой парочки», на мой участок вбежала заполошная Ксения, дочь Коноплевой. Она стала выговаривать вышедшей ко мне жене, что «вы тут все напились, а у нас мужика зарезали».

Я приглушил музыку, прислушался, и понял из общего крика (уже с участка Коноплевой), что что-то случилось, и надо встретить полицию, которая заблудилась.

Один важный момент.

Когда моя жена была еще на террасе, через несколько минут после того, как она проследила уход Коноплевой с Забродиним, она услышала, как гроыхнула калитка, выходящая на шоссе. Подумала: «Кого еще черти принесли в час ночи?»

У меня, сидевшего, повторяю, спиной к террасе, тоже осталось смутное впечатление, что кто-то пробежал. Но я был пьян и не придал этому значения.

Об этом факте жена сообщить забыла, считая, как и я, что следствие будет полноценным, и выяснит, что там произошло на соседнем участке, и кто преступник. Мы-то были на этот счет спокойны.

Практически не помню, как, инстинктивно повинуясь чувству ответственности, я еле встал с кресла и пошел к своей калитке встречать полицию (см. показания участкового Шишова), чтобы показать дорогу к месту происшествия.

Однако из текста приговора почему-то неясно, ГДЕ я встретил полицию. И создается впечатление, что я, «восстав от тела жертвы», вышел к полицейской машине!

Когда полиция попросила мою жену привести мужа, та не без труда провела меня к месту происшествия.

Я был поражен, увидев лежащего Забродина, и многократно громко вопрошал: «Кто порезал пацана?» Что мешало Забродину прямо указать на меня при вооруженных полицейских? Не знаю. Наверное, он еще не решил тогда, кого назначить преступником. Позже он скажет, что «боялся, что Дьяков меня дорежет». И этому бреду решили поверить?!

Если же он «шепнул на ушко» полицейским, что преступник – Дьяков, то не взяв меня сразу же, они поступили непрофессионально. Кстати, в кромешной тьме Забродин вообще не мог никого видеть (см. показания того же Шишова). Но он утверждает, что увидел меня под фонарем на моем участке. То есть, лежа на соседнем, за кустами и забором, за углом моего дома, примерно в 25 метрах от места происшествия. Следственный эксперимент, будь он проведен, показал бы невозможность этого со всею очевидностью но этой нелепости поверили.

Попутно.

Собаки Терри, о которой говорит Забродин, получивший «около трех ударов»(так сколько же?) и «потерявший два литра крови», тоже не было – всегда бежала в дом впереди хозяйки. Так что это тоже ложь. Которой поверили.

Итак, пьяненький немолодой писатель, настроенный благодушно-сентиментально, вдруг ни с того ни с сего бросается на дистанцию, которую и днем-то трезвый проходит с опаской, чтобы... что? Чтобы пырнуть ножиком практически незнакомого человека ни за что, безо всяких мотивов. 58-летний отец троих детей. Это после того, как проводил постылую пару и никак не мог предвидеть, что Забродин останется один на минуту-две, пока Коноплева забирает постельные принадлежности, чтобы «осмотреть фундамент» нового дома в 1 час ночи (из показаний Забродина, которым поверили). К тому же прекрасно зная, что на участке Коноплевой сработает видеокамера! (О том, что она была недавно отключена, знала только хозяйка,- но ооэто во внимание не приняли).

О том, что меня отвезли в полицию, где я пробыл примерно час, - вспомнил благодаря показаниям Шишова,- что было, то было. Но поразительно, что меня, «Бармалея», отвезли домой и оставили выспаться! И я лег, в чем был. И проспал до 11:30 23 сентября. «Преступник отдыхает. Не беспокоить!» - так получается?

В отделении полиции, согласно показаниям полицейских, я «пел и лизал оконное стекло». Циник и идиот, - так это было трактовано. Но, надо сказать, в трудных ситуациях я не пою, а напеваю любимую песню Шаляпина «Прощай, радость, жизнь моя» - песню отнюдь не радостную. Мне это помогает. О стекле. Мне не давали пить, и я дышал на стекло, чтобы попытаться добыть каплю влаги.

То есть даже в мелочах мои слова и действия трактуются исключительно против меня.

Супруга моя совсем не употребляет спиртного (это от врожденной болезни сосудов), хотя на суде было заявление, что она была пьяна, как Коноплева (этому решили поверить). Так вот, супруга моя – женщина опытная и мудрая. И если бы преступление совершил я, она бы и ножик нашла (о нем речь впереди), да и меня бы отправила в одну из ближайших областей, «отлеживаться». Не говоря уже о том, что мысль «спрятать орудие преступления», воткнув его в собственный забор, могла прийти в

голову только клиническому идиоту, коим я все-таки не являюсь даже в состоянии алкогольного опьянения.

Швырнуть за три участка, утопить в уличном сортире, забросить на крышу,- да что угодно мог бы сделать я, будь я преступником.

Да и протрезвел бы враз – это общеизвестный эффект.

2. Нож.

В полиции мне предъявили найденный нож. Я признал, что нож – мой (мог бы, кстати, и не признавать). На лицах полицейских сияла радость. Как я теперь понимаю, уже тогда все было решено: Дьяков виноватый!

Но сначала – при каких обстоятельствах был изъят нож. Я был в полиции. Жена – в школе. Вторник – день занятий сына в секции тхэквандо. К тому же в его дневнике за 23 сентября есть запись учителя : «плохо себя вел» - с подписью. То есть мальчик в этот день не болел (это проигнорировано). Полицейские вошли на участок, не известив об этом ни меня, ни жену. Без ордера. Без понятых. Зато с Коноплевой, которая зорко следила, «чтоб чего не подкинули». По ее свидетельству, полицейские брали нож голыми руками (не поверили). Она сразу позвонила моей жене и сообщила об этом.

На суде же, (и в приговоре) полицейские лжесвидетельствовали: жена моя, мол, была дома, ее оповестили, но она – внимание! – «не захотела выходить!» В это решено было поверить! Как прикажете это понимать? А так, что лжесвидетельство имеет цель сокрыть факт незаконного проникновения на частную территорию, с использованием служебного положения. А следствием этого является изъятие ножа из числа вещественных доказательств. (А он – нож – доказательство единственное, да и не доказательство вовсе, о чем ниже).

Интересно, что примерно в это время исчезает (!) действительный вещдок: куртка потерпевшего Забродина! Это – ответственность следователя Молотковой.

Дело в том, что Забродин очень бережет себя, что похвально, - и в холодный сентябрьский вечер пришел в толстой куртке с капюшоном, которую проткнуть предъявленным ножиком с гибким тонким лезвием – невозможно. К тому же проверка на соответствие дыркам в куртке и ножа могла показать нечто осложняющее простое и «веселое» ведение следствия. А что-то искать, проверять какие-то версии, кроме «дьяковской»? Зачем? Лучше поверить все тому же Забродину: мы ее (куртку) попросту выкинули на помойку, так как кровь начала дурно пахнуть».

Кстати, и меня в полиции не раздели, не изучили одежду на предмет следов борьбы или наличия выделений. Мне это показалось странным и уже подозрительным: кажется, все предрешено, подумал я.

А нож... нож был воткнут мною в забор за два дня до происшествия, в присутствии моего младшего друга, подполковника СК В.А.Соцкова. Это было сделано в сердцах, при разговоре о моих старших сыновьях, с которыми я все не могу наладить отношения. Соцкова стоило бы опросить еще раз: после своего выступления в суде он перезвонил и сказал, что что-то напутал с уровнем, куда воткнулся нож. «Да, была тьма-тьмущая, а он был выпивши».

Итак, нож был воткнут в ночь на воскресенье, 21 сентября.(Соцков приезжает по субботам, и этим-то ножом как ответственный за шашлыки проверяет их готовность). Потом две ночи шел дождь (запрос в метеослужбу?). И утром, 23 сентября, обнаружен полицейскими. Этим ножом резался я , и,

возможно, несколько поколений бывших владельцев нашего дома. На нем экспертиза обнаружила «примесь крови и/или пота. Подчеркнем слово ИЛИ. А еще – «слабые следы». То, что это примесь крови и/или пота Забродина – не исключается. Но и не утверждается! Это может быть пот того же Соцкова (он потлив), мой, моей жены, да кого угодно из участников прежних застолий. Однако принцип «презюмции виновности» Дьякова сработал и здесь. Все трактуется против обвиняемого, хотя по закону должно быть наоборот.

...Мы бы вспомнили об этом ноже в тот вечер, если бы готовили шашлыки, и нашли бы его. Но народ зашел ко мне есть рыбу, для которой, как известно, ножа не требуется.

Все вышеизложенное судом и следствием проигнорировано. Как проигнорирован и следующий факт.

Свидетельница С.Ушакова снимала с января с.г. часть дома, у крыльца которого был ранен Забродин. Совершенно случайно, когда шел суд, она обнаружила на шкафу, стоящем на веранде, небольшой ножик с негнущимся лезвием (ромбовидный в поперечнике). На лезвии – бурые разводы-оплывы, направленные в сторону острия. С.Ушакова сообразила, что это может относиться к делу, и сообщила суду о своей находке, будучи уверена, что это – не грязь и не краска.

Отмечу, что Светлана Герасимовна Ушакова – женщина серьезная. Она – международно признанный народный целитель, друг личного врача султана Брунея. К тому же она – опытный охотник, и отличить следы крови от следов кетчупа способна.

Предложила изъять нож на экспертизу. И что же суд? Свидетельница была осмеяна, запутана ненужными замечаниями, а нож к рассмотрению принят не был. А ведь достаточно было провести элементарную экспертизу! Сейчас этот нож хранится у меня. Бережно. Его никто не трогал.

Завершая тему ножа, отмечу, что в экспертизе об отпечатках пальцев не сказано ничего. Это может означать, что ручку протерли.

Если бы он был орудием преступления и найден по свежим следам – на нем была бы свежая кровь потерпевшего, а на ручке – отпечатки пальцев обвиняемого. Но и этот очевидный факт проигнорирован!

По свидетельству Коноплевой, она в это время находилась в отделении, полицейские, найдя нож, сразу же поехали в больницу к потерпевшему Забродину. Получается, прямо в реанимацию (кто их туда пустил?). Не исключено, что поехали для того, чтобы обговорить детали обвинения. Еще бы! – раскрытие дела, что называется, с ходу! Какая удача!

3. Забродин

«Он (Дьяков) спать с женой не ложится, не помолившись ЛДПР»... «Конечно! Он (Дьяков) из ЛДПР, а Коноплева ушла со мной...»

Это из показаний Забродина, возомнившего, что я бросился его резать за ЛДПР или из ревности. И этому косноязычному лживому лепету с готовностью поверили!

Еще перл. На вопрос, чем он объяснит, что при поступлении в больницу заявил, что «его порезала неизвестная женщина», Забродин ответил: «У меня был болевой шок. Я не чувствовал боли». Еще один вариант был высказан им на очной ставке: «Они против меня сговорились – Коноплева, Дьяков и его жена».

Он добровольно ушел из больницы на 9-й день. Объяснил это тем, что «Дьяков его дорезет в больнице». С таким успехом он мог не приходиться на суд : там был Дьяков, «великий и ужасный».

На суде человек заявляет, что после 23 сентября ему «отрезали почку». На следствии демонстрирует старый белесый шрам, идущий от груди к животу. Устраивает истерики с рыданиями и там, и там. Декоративный бандаж носится поверх рубашки, и конструктивно оберегает область

живота. Между тем, Забродина не раз видели (и я, и дочь Коноплевой Саша), пересекающим по Салтыковке и даже Носовихинскому шоссе на велосипеде (я – еще в марте).

А также на строительных работах.

А также за рулем автомобиля.

12-летняя Саша рассказывает, как он, увидев ее, слез с велосипеда, болезненно согнулся, а когда подумал, что она ушла, как ни бывало вскочил в седло. Подобное наблюдал и я в магазине, когда пострадавший увидел своего «убивца». А ведь элементарно можно посмотреть диски с видеокамер у дома Забродина! В просмотре видеосъемки в зале суда нам также было отказано.

Во время видеосъемок на моем участке Забродин врет на каждом шагу. Вплоть до того, что в ту роковую ночь Коноплева вышла к нему, уже раненому... в пеньюаре. Это уже глюки..

Светлана Коноплева не раз говорила, что принципиально не имеет дела с женатыми мужчинами. Однако Забродин так горько жаловался на то, как его притесняют в семье, что она сжалилась над бедолагой после того, как увидела его супругу воочию. Забродин описывал сою горькую жизнь убедительно; что он живет чуть ли не в гараже, сам себе готовит пищу, дочь – инвалид, даже в школу не ходила. И дрогнуло доброе сердце С.Ю.Коноплевой. И стала она получать СМС-ки типа «Я – твой Аполлон!» и предложения «уехать в Крым, но без детей». Все это Коноплева со смехом рассказывала всем окружающим, в том числе и нам с женой. И честно признавалась, что «в мужиках ценит единственный орган, и это не мозг».

Неслучайно жена Забродина (которой, кстати, ни разу не было на суде), так смачно проклинала по телефону Коноплеву, что та даже заявила об этом в полицию. (Почему-то проклинала не меня, «убивца»).

Стратегическая выдумка Забродина – это история наших с ним отношений, которой не было (см. выше). Употребляются обороты «он (Дьяков) обычно...», «он всегда...», «у него вечно...», «как ни встречу, вижу его...» и т.д.

Со слов Коноплевой, Забродин в тот вечер пригласил ее провести романтическую встречу... в детский сад, где работал охранником. До того они уже там бывали. Охранник детского сада (а еще и глава уличкома), по определению имеет дело с полицией. Я не утверждаю, что парится с ней в бане, хотя не исключено и не зазорно, - но у него с полицией особые отношения, которые он в суде не афиширует. А проверяется это элементарно – но при желании..

Может быть, поэтому в приговоре подчеркивается моя (Дьякова) «общественная опасность», что уж больно важен «объект посягательства», и что меня надо упрятать в тюрьму, чтоб не было «общественно опасных последствий»(?).

Защитник же Забродина потребовал на суде, чтоб ко мне не применяли УДО! Еще бы попросили прикопать на зоне. Но это вопиющее по наглости предложение судом не было даже прокомментировано! Как не были рассмотрены версии семейного мщения и проблем на работе (по сведениям Коноплевой, Забродин незадолго до случившегося обманул строительных рабочих).

Повторюсь: человеку, лгущему на каждом шагу, человеку глубоко безнравственному – верят безоговорочно. Мне – нет.

В приговоре ест примечательная фраза: «Учитываются судом как положительные, так и негативная характеристика на Дьякова И.В...» Скромная такая фраза. А что за ней? Положительные характеристики дали: протоирей М.Ходанов (знакомы 40 лет), писатель Б.Земцов (знакомы 25 лет), академик В.А.Лисичкин (знакомы 15 лет), авиаконструктор С.Е.Анучин, депутат А.Н.Грешневиков(единственный депутат всех созывов ГД РФ, знакомы 30 лет), фракция ЛДПР за подписью В.В.Жириновского (знакомы 25 лет), общественные организации. Все тексты есть в деле, их можно найти и на моем сайте imperiia.com «Дело Дьякова».

Я не обращался ни в СМИ, ни в Союз Журналистов России, в котором состою 30 лет, ни в союз писателей (стаж 17 лет).

Что на другой «чаше весов»? Фальшивая «характеристика» уличкома, где говорится, что «Дьяков незаконно сливал фекалии на Носовихинское шоссе». Фальшивая, т.к. никакого «уличком»а я не знаю, не встречал.

Это в стиле Забродина, человека болящего. Но суд поставил в один ряд фекалии и академиков со священниками и депутатами! Фиктивный донос фиктивного «уличкома» - и грамоту Председателя ЛДПР, члена Госсовета России, «За укрепление российской государственности», копия которой наличествует в деле. И все это сформулировано максимально против меня. То есть предвзято и тенденциозно.

Моя жизнь прозрачна. В тех же характеристиках говорится о делах, а не о субъективных оценках. Есть еще книги, статьи, очерки, стихи, наконец (см. Проза.ru и Поэзия.ru).

Но все это ничего не стоит против показаний человека с зашитыми в фаллос металлическими шариками, водящего женщин в детский сад, куда, кстати, ходил и мой сын.

4. Коноплева и Рыжман.

Как сказал поэт, - «мы врозь изнываем от муки, а вместе – несчастней вдвойне». Это о них. 18 лет назад она «взяла» его. У них родилась дочь. Властная женщина поставила условие: «ты сидишь дома, я – зарабатываю. И мужик расслабился. Стал много пить. До запоев. Она его много раз лечила. Сходились – расходились. По сей день он формально расписан с другой. Бешеный характер гражданской жены изводит его. Его запои изводят ее. Но, по ее признанию, любит ее в этой жизни только он, Сергей Рыжман.

И как только она узнала, что он встретился со своей школьной любовью – хоть и вдрызг пьяная, села за руль и в ночь уехала за 800 км, под Воронеж, поведать, так сказать.

Поначалу меня настолько впечатлила экстравагантность этой давней подруги юности моей жены, что я вставил ее в рассказ «Рассвет на Москва-реке» под именем С. Колокольцева. Когда она стала соседкой, пришлось познать всю тяжесть ее характера, от которого страдает и она сама. В последние же года 2-3 Светлана, что называется, пошла вразнос: постоянные пьянки (коньяк, виски, водка – это не невинная «Кадарка»), противоречивые решения, злословие и мат-перемат (я даже запретил сыну ходить в ее дом). И разгул.

К сентябрю 2015 года в отношениях Коноплевой и Рыжмана наступил очередной кризис. Было решено, что он уедет к матери в Воронеж.

Накануне отъезда Рыжман очень долго и, как мне показалось, искренне, говорил со мной. Уезжать он не хотел. Не верил ее обещаниям быть ему верной. Сетовал на то, что она всегда несет с собой беду. Я сочувствовал ему – терпеть не могу властных женщин, это горе земли нашей. К нему у меня было доброе отношение. Попытался устроить его на работу – помешали судимости. Давал подработать. Ездил в Воронеж в попытке наладить дело «под него».

На все руки мастер, сельский человек, способный одним ударом свалить свинью, безумно любящий дочь, Сергей Рыжман вынужден сосуществовать с непрерывно извергающимся вулканом – своей гражданской женой.

Он не хотел уезжать, дико ревновал к Павлу Телкову, бывшему соседу по сгоревшему дому. Просил меня, чтобы я «послеживал». Я ответил, что это их личное дело. Посоветовал раз и навсегда расстаться с этой фурией, благо она не запрещает видеться с дочкой. Ответа не последовало.

Рыжман уехал. Но его никто не провожал. И есть веские основания полагать, что ж/д билет был сдан, а билет автобусный к тому же дешевле. «Перекантоваться» было где: земляк и друг Рыжмана, тоже Сергей, занимался штукатуркой дома Коноплевой, но повздорил с ней и уехал... в Москву, «потусоваться».

Когда началось следствие, я категорически запретил своему адвокату упоминать имя Рыжмана в качестве подозреваемого. Думал, следствие будет, как в кино: полноценным и профессиональным. Но тучи надо мной сгущались, и у адвоката к Новому году не выдержали нервы: он заявил следствию, что необходимо подтвердить алиби Рыжмана.

Об этом узнала Коноплева, и наши отношения резко испортились. Человек очень правдивый, она попала в клинч: с одной стороны, понимала (знала), что преступление совершил не я; с другой – Рыжман, единственный любящий, да и по-своему ею любимый человек, отец ее дочери, должен быть вне подозрений. Она то падала передо мной на колени: «Дьяков, прости, что я наделала!» - то рычала, что я «сливаю Рыжмана».

Что мешало следствию, да и суду, сделать биллинг, проверить РЖД по системе «Магистраль» и снять или поставить вопрос о Рыжмане – единственном мотивированном человеке в этом деле. Оговорюсь, что, если его вина будет доказана, я буду на суде свидетельствовать в его защиту в части мотивации. Хотя бы в силу мужской солидарности. Таких унижений от женщины терпеть невозможно.

Подозрения мои возникли, когда прокуратура вернула мое дело на доследование, и Рыжман резко перестал звонить, хотя до того звонил несколько раз в неделю, против моей воли не переставая интересовался поведением своей гражданской жены. Тогда же Коноплева обронила при моей Коноваловой загадочную фразу: «Дьяков выкрутится, а Рыжман – нет.» То есть она, посути спровоцировавшая всю ситуацию, взяла на себя право определять виноватого! Дальше – больше.

Приезжает на несколько дней Рыжман. И укоряет меня: «что же ты, друг, не сообщил мне об этом Забродине? Я о случившемся узнал последним!»

Вот это уже была явная ложь.

Сразу же, как Забродина увезли в больницу, Коноплева набрала мобильник Рыжмана ипыталась все рассказать. Однако пьяные рыдания мешали. Тогда трубку взяла моя трезвая жена, бывшая рядом. «Рыжман! У нас тут мужика порезали!» - буквально сказала она. В ответ – одна фраза спокойным холодным голосом: «меньше любовников водить надо!» И все. Никаких вопросов о том, кого, где порезали, что дети?

Вот биллинг этого звонка и просил сделать мой адвокат. Безуспешно просил. Напрашивается следующая версия. С.Рыжман поздним вечером 22 сентября 2015 года пришел «проведать» жену (его психологическое состояние это более чем допускает). Он прошел через прореху в заборе за новым домом, о которой знал, как хозяин. Стал наблюдать за освещенной фонарем компанией из темноты, с самого удобного места: от крыльца нового дома. В какой-то момент решил зайти на секунду в старый дом – взглянуть на спящих детей, но не открываясь («уехал же!») - это соответствует показаниям Ксюши).

Увидев снявшуюся с места парочку (Коноплеву и Забродина), встал за кустом. Услышал их разговор, который привел его в бешенство. Когда Коноплева удалилась на минутку, он и ткнул Забродина ножом или стамеской. (по одной из версий Забродина: «Меня зарезал молодой худощавый»). Чтобы не бежать в сторону прорехи в заборе (там Забродин или вдруг вышедшая жена могли его увидеть), он побежал на мой участок (я сидел спиной и обмяк от выпитого, - а Рыжман хорошо знает мои повадки, что не повернусь даже на звук). Согнувшись, проскочил мимо террасы, на которой, читая, сидела моя жена. Зная, что у нас калитка тогда была всегда открыта, он через нас и выбежал, грохнув ею впопыхах.

В суде Коноплева уже не столько защищала меня, сколько отводила подозрения от Рыжмана. Отсюда сказка о втором звонке на домашний телефон в Воронеже, выдумка о его новой семейной жизни там. Отсюда и якобы платонические отношения с Пашей Телковым, -мол, никаких поводов для ревности у Рыжмана и быть не может. И заявление Телкова, что в тот вечер он был в белой футболке. На самом деле он был, по обыкновению, в куртке с капюшоном. С капюшоном была и куртка Забродина. И в темноте их можно было перепутать... но мотив ревности со стороны Рыжмана Коноплева решила замазывать всеми силами.

Пишу бо всем этом с отвращением. Но, похоже, иного способа защитить себя у меня нет. Грязь сама вплыла в мой мир, в мой дом, и приходится в ней копать. Пишу-то уже в тюрьме!

5. Следствие.

Следствие длилось без малого 8 месяцев – с сентября 2015 по май 2016 г. за это время сменились три следователя – Молоткова, Твердохлебова и Иконников. Последний спешно составил обвинительное заключение и дело ушло в суд.

Это говорит о том, что указанные лица имели целью спихнуть дело как досадную нагрузку, дождавшись истечения положенного срока ведения следствия. Станным показалось многое. В частности, след. Молоткова постоянно пугала меня тем, что Забродин вот-вот умрет, хотя он пробыл в реанимации, по его словам, двое суток (по моим сведениям – сутки). Удивила фраза, сказанная Молотковой в машине (она везла меня на сдачу крови): «У меня есть понятия на все случаи жизни». Веселая молодая женщина лихо решала проблемы: «Говорите, вас могли перепутать с Забродиним? Ну-ка, встаньте... Нет, не похожи». Упорно отказывалась (как и остальные), удовлетворить просьбу адвоката об очной ставке Забродина и Коноплевой. (А он бы «посыпался»). Еле уговорил зафиксировать важнейшие, с нашей точки зрения, показания дочери Коноплевой Ксении относительно присутствовавшего на участке и заходившего в дом постороннего человека (от этих показаний отказались ранее и полицейские). Оказывала давление. А, взяв все-таки показания на карандаш, зачем-то велела взять отпечатки пальцев у парня, просто Ксюшу сопровождавшего.

Об утрате вещдока – куртки Забродина – уже говорилось.

К Новому году Молоткова утратила к делу всякий интерес и ушла в отпуск.

Надо отдать должное следователю Твердохлебовой. Перед проведением видеосъемки с участием Забродина на моем участке она позвонила моему адвокату за разрешением хозяина. Я, естественно, согласился. Так и должны были поступить полицейские при обыске территории, кстати.

Но вот для чего была организована видеозапись, непонятно. В кадре присутствует Коноплева, что по закону недопустимо. Забродин при свете дня и на снегу рассказывает события, случившиеся глубокой ночью ранней осенью. Единственная правда в его словах это то, что он был в тот вечер, а также верно указал место, где был ранен. Между тем эта видеозапись трактуется в приговоре как доказательство моей вины (!) Съемка с чьим-либо еще участием так и не была проведена. Сопоставить ложь Забродина оказалось не с чем. Это называется «игра в одни ворота». Да что говорить! Не были опрошены даже ближайшие соседи, из окон которых видно место происшествия. Одна уже умерла...

В первое время после 23 сентября сосед Забродина А.Симонов не раз говорил С.А. Коноплевой, что Забродин против Дьякова не имеет. Мы просили Твердохлебову опросить его. На что получили ответ: «мы Симонова найти не можем». Живущего за забором Забродина!

Всем своим видом след.Твердохлебова как бы говорила:»Да пошло оно все..» И, видимо, была рада, что дело по нашему ходатайству было отправлено прокуратурой на следствие.

Веским поводом для этого был признан факт идентичности подписей понятых при обнаружении ножа.(Как мы помним, по свидетельству Коноплевой, понятых не было вовсе. И помним слова Молотковой, что у нее «есть понятия на все случаи жизни»).

Как ни странно, но этот вопрос, послуживший поводом к отправке дела на следствие, не был задан полицейским на полиграфе. В ценности свидетельств на полиграфе усомнился судья, что меня удивило – зачем тогда было огород городить? Следователь (уже Иконников)велел мне завтра явиться на полиграф (этого мы добивались – жена, Коноплева и я), но я прождал чуть не месяц, а меня так и не позвали. Странно. К слову сказать, полноценный полиграф для пострадавшего Забродина был бы очень уместен (Забродин соглашался, когда еще не было адвоката), он мог сказать неудобную правду.

Со след. Иконниковым мы встретились всего два раза. Сначала я по его просьбе радостно выговорился (наконец-то дело сдвинулось). Он внимательно слушал... и ничего не записал. «Зачем же?» - спросил я. «Познакомиться» - ответил Иконников.

Вторая встреча – очередная очная ставка с Забродиним. Которая ничего не дала, и не могла дать. Пустая формальность.

Обеспокоенный явным саботажем со стороны следствия, 26 апреля я пришел на прием в прокуратуру к госпоже Гурской С.Н. оставил свои замечания. Она сказала, что в течение месяца они будут рассмотрены (т.е. до 26 мая). Но внезапно 11 мая 2016 Иконников вручает мне готовое

обвинительное заключение, датированное 5 мая 2016г. я делаю комментарии к нему, и снова иду к Гурской С.Н. «Уже поздно» - говорит она, уже зная, что будет гособвинителем на процессе по делу Дьякова-Забродина.

Это буквально все, что я помню о трех следователях в течение 8 месяцев.

Мои комментарии к обвинительному заключению были судом любезно приобщены к делу, но в ходе процесса ни разу не упоминались, а аргументы, в них приведенные, учтены не были. Ни один.

6. «Лайфньюс».

С конца 1980-х я так или иначе занимаюсь политикой. До того была чистая журналистика – в журнале «Отчизна», «АиФ», «Литературной России», «Крестьянке». С момента поступления в газету «Советская Россия» в качестве спецкора, с учетом того переломного времени – это уже политика. Работая в еще более политизированном журнале «Молодая гвардия», я познакомился с В.В.Жириновским. Потом выпустил свою газету «Империя», издавал книги в своем издательстве. А с начала 2000-х начал сотрудничать с В.В.Жириновским непосредственно.

Дважды, в 2003 и 2006г, баллотировался в Госдуму РФ, в 2004 – в Мособлдуму. В 2008 и 2012 был доверенным лицом кандидата в президенты РФ В.В.Жириновского. на протяжении всего этого времени проходил многочисленные проверки по всем параметрам, включая психиатрические. Участвовал в горячих дискуссиях на разных площадках, включая ТВ. И никогда не срывался. Годы только укрепили это качество – ни в коем случае не поддаваться на провокации. (Это я к бросанию на Забродина).

С другой стороны, я не раз получал угрозы. Дважды подвергался нападениям, а 3 октября 2003 года наша редакция (газеты «Я- русский!») была попросту взорвана. Чудом мы (и я в том числе) остались живы.

В последние 10 лет я был советником председателя ЛДПР. Вел в т.ч. русский вопрос, т.е. тему искусственной бедности и тайного геноцида русского народа.

С апреля 2014 начал вести свой персональный сайт, который кое-кого бесил. Не скрывал я своих планов баллотироваться на выборах 2016 года на пост губернатора одной из ближайших к столице областей. Это тоже нравилось далеко не всем. И тут – на соседнем участке «зарезали мужика!» Откуда ни возьмись, в палату к Забродину заявляются корреспонденты телеканала «Лайфньюс». Кто-то их вызвал? Кто-то пустил в реанимацию?! (Эти вопросы оказались неинтересны ни следствию, ни суду). А «Лайфньюс» это известные трупоеды и провокаторы. И в отношении к ЛДПР испытывают, мягко говоря, недостаток уважения. «Умиряющего» слегка инструктируют, и тот дает интервью, где уже звучат такие слова, как «националист», «антисемит», «интересовался моей родословной». Материал выходит в эфир. Тему подхватывает «МК» и ряд сайтов, в т.ч. израильских. Один из них выходит с иллюстрацией – окровавленная рука с ножом! Все: Дьяков – Бармалей! Я спешно покидаю государственную службу и становлюсь беработным. Чтобы не дискредитировать партию перед выборами.

Некоторые, в т.ч. Коноплева, считали, что Забродина перепутали со мной (номер нашего дома висит на ее половине). Но я считаю эту версию слишком экзотичной. По сути следствие было обязано проверить и ее. Но все вышесказанное было проигнорировано.

В приговоре говорится о необходимости дать мне именно реальный срок, т.к. это преступление имеет «общественно опасные последствия» и срок нужен для «предупреждения совершения им (мною – И.Д.) новых преступлений».

Какие последствия? Каких преступлений? Уж не моей ли политической и литературной деятельности?

На суде, да и на следствии адвокат Забродина не раз пытался навесить на меня именно политические ярлыки: «антисемит», «русский фашист», «националист». (О последнем – националист – это человек, любящий свой народ не в ущерб другим народам, берегущий его традиции и культуру, и быть националистом не зазорно, а почетно).

Суд, видимо, учел «мнение» адвоката. Мне же кажется, что адвокат этот – из той же сферы, что и корреспонденты «Лайфньюс». Так за что я получил 3,5 года? Вопрос... за то, что боролся за обороноспособность страны, по мере сил помогал униженным и оскорбленным (см. характеристики)? И уж не за работу ли на ЛДПР? Ведь мотив ревности, на который делало ставку следствие, как-то ушел в тень, а подспудно всплыла политика! Что, ЛДПР усугубила меру наказания? Тогда это политическая месть, прикрытая уголовной статьей. Так получается?

Я знал многих русских патриотов, которых убрали из жизни при обстоятельствах, и поныне не выясненных. Знал их лично: это И.Тальков, К.Смирнов-Остишвили, генерал К.Петров, Н.Левашов с женой Светланой, Цикунов (Кузьмич), Ф.Шипунов, Евг. Евсеев, И.Сенявин,- несть им числа...

Покушениям подвергались мои друзья-публицисты Вяч.Ерохин (Подольск) и Роман Перин (СПб). На всякий случай заявляю попутно, что ни при каких обстоятельствах не покончу с собой. Это не паранойя (см.список выше), а элементарная мера безопасности.

Так не в том ли моя «общественная опасность», что я находил общий язык с такими разными людьми, как Илья Глазунов и Николай Бурляев, академики А.Т.Фоменко, Б.А.Рыбаков, А.И.Савин, писатели Ф.Искандер и А.Проханов, поэты Булат Окуджава и Ст.Куняев, журналисты А.А.Сенин и Анна Политковская?

Не в том ли, что воспитал двоих сыновей, которые окончили МГУ и создают общественно-политические фильмы на центральном телеканале? Я их вырастил, они продолжение меня. Надеюсь, успею достойно воспитать третьего сына.

Не в том ли я представляю, согласно тексту приговора, «общественную опасность», что занимаю всю жизнь активную гражданскую позицию?

Нет, и УДО недостоин!

Временами кажется, что моя причастность к истории и ЛДПР не уменьшила, а усугубила суровость приговора...

Выводы

Известны разные варианты смягчения меры наказания или его отмены. Я ничего не прошу, хотел бы одного: полноценного следствия, строгого исполнения законов. Вся моя многолетняя посильная деятельность в ГД РФ этому, кстати, была подчинена.

Надеюсь, что смогу адаптироваться к любым обстоятельствам. Пока же на 3,5 года осуждены и на крупную сумму оштрафованы:

- моя 79-летняя мать;
- моя жена, сидящая на таблетках;
- и мой 8-летний сын Святослав.

Они, почти беспомощные, встречают зиму в бревенчатом доме 1928 года постройки, практически без средств к существованию.

С чем и «поздравляю» всех причастных к этой «победе» правосудия!

Игорь Дьяков,
Гражданин СССР.

3-4 октября 2016 года

Ногинский централ
(ФКУ СИЗО-11 УФСИН РФ)